

с. 2.

2. ФЕЛЬЕТОНЪ.

Замѣтки читателя.

„Человѣкъ въ футлярѣ“. Рассказъ Ант. Чехова. „Русск. Мысль“, июль 1895 г.

Последнія вышки журналовъ, какъ, впрочемъ, и подобаетъ это въ лѣтнее время, какъ то особенно поражаютъ скудостью своею беллетристическаго балласта. Нѣтъ ни одной вещицы, и не говорю уже о крупныхъ, на которыхъ стоило бы остановиться. Почать безсмысла творческой мысли, назалось, легла на нихъ. Напрасно вы будете искать какой нибудь оригинальной идеи, фантазіи, просто художественной отдѣлки, наконецъ, среди всей этой массы беллетристическаго хлама, — трудъ вашъ будетъ напрасенъ. Единственный исключеніемъ является небольшой, всего въ двѣнадцать страничекъ, рассказъ А. Чехова — „Человѣкъ въ футлярѣ“.

Но за то онъ такъ прелестенъ, блестя такими приемами красками, что страницей искупаетъ все скотворное беллетристическое оскуднѣніе нашихъ толстыхъ журналовъ, заставляя невольно прочесть его.

„Человѣкъ въ футлярѣ“ — произведение крупнаго таланта. Любой, самой изысканной литературѣ, онъ сдѣлалъ бы честь. Въ немъ сказались всѣ типичныя черты А. Чехова, какъ художника — писателя. Изумительная способность двумя-тремя штрихами набросать самый сложный портретъ, въ двухъ-трехъ словахъ сказать такъ много, что никому не понадобился бы на это цѣлая страница; добавьте въ этому легкій, изящный юморъ, спокойный тонъ, и подъ всѣмъ этимъ, какъ бы заглушенную скорбь о человѣкѣ, — и вы ставите яснымъ то обаяніе, та власть, какою пользуется А. Чеховъ надъ русскими читателями. Онъ, по преимуществу, поэтъ „хирурговъ людей“. Его герои — больные, жалкіе неграмотники, разбитые жизнью, съ искалѣченными душами, трусливые, забытые человѣки. Читая многочисленные рассказы его; въ началѣ становится даже какъ будто смѣшно, но затѣмъ вашъ смѣхъ пропадаетъ и тяжелое, гнетущее чувство закрадывается въ душу. Тоска, почти отчаяніе, охватываетъ васъ. Вамъ становится и жутко, и страшно. Вы чувствуете, что нѣтъ спасенія людямъ,

что гибнуть они, несчастные, сами того не зная, безпомощные, жалкіе, среди мутныхъ потоковъ жизни.

Тяжелая, больная атмосфера окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ.

Кругомъ одни только больные, разслабленные люди, неспособные ни на что сильное, ни на что смѣлое.

Всего болѣе они, все смутно для нихъ, полно противорѣчій.

А. Чеховъ — поэтъ русской дѣйствительности.

Не ждите отъ него поэты бодрыхъ впечатлѣній.

Все въ немъ мрачно, тоскливо, печально.

И если бы не холодная усмѣшка, которой нѣтъ нѣтъ и подарить онъ васъ, его нельзя было бы вовсе читать.

Онъ сверкаетъ въ вашей душѣ, отыщетъ самое больное мѣсто въ ней, и безжалостно, съ мертвенной улыбкой на блѣдныхъ губахъ, обнажаетъ раны ваши.

— Смотри, человѣкъ, что стало съ душой твоей!

Глади — сколько гноя накопилось въ ней! — говоритъ онъ вамъ каждымъ словомъ своимъ, и вы, подавленные убійствомъ, съ тоскою озираетесь вокругъ, гдѣ зами неете врача, ждете помощи, а онъ, все тотъ же безжалостный, холодный и мрачный художникъ, смѣетъ сидѣть надъ вами своимъ ужаснымъ смѣхомъ и тихо говорить: успокойся, человѣче, никто не поможетъ тебѣ... нашему поколѣнію давно уже крышка...*)

Точно такое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня и своимъ послѣднимъ рассказомъ.

Передъ нами учитель греческаго языка въ гимназіи, нѣкій Бѣлковъ.

„Онъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и не премѣнно въ тепломъ пальто на вѣтѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши и, когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, назалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротничокъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой, и когда садился

*) Слова одного изъ чеховскихъ персонажей, кажется, въ „Рассказѣ невѣстнаго человѣка“.

на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себя, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ вѣншихъ вліяній.

Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ, и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, что никогда не было, и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него, въ сущности, тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни...“

И мысль свою этотъ жалкій, ничтожный человѣчекъ также старался запереть въ футляръ, какимъ для него являлись всевозможные циркуляры, запрещенія и ограниченія. Только ахъ онъ и понамажь, онъ одинъ успокаивалъ его, точно и строго опредѣляя отношенія его къ дѣйствительности.

Запрещено и баста. Въ разрѣшеніи же и позволеніи скрывался для него элементъ сомнительный, что то недоказанное и смутное. Приходилось жить и дѣйствовать самостоятельно, а этого то больше всего и боялся несчастный учитель. Онъ всѣ силы свои потратилъ на то, чтобы отдѣлать себя отъ жизни, а тутъ изволь жить, изволь обнажать душу свою и соприкасаться ею съ дѣйствительностью!

— Оно, конечно, такъ то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло! — говорилъ онъ всегда въ такихъ случаяхъ, еще больше уходя въ свои футляры.

... На педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ насъ (рассказъ ведется отъ лица одного изъ товарищей Бѣлкова) своею осторожностью, минительностью и своимъ чисто-футлярнымъ соображеніемъ насчетъ того, что вотъ де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ владѣсахъ, ахъ, какъ бы не дошло до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло, — и что, если бы изъ второго владѣсса исключить Петрова, а изъ четвертаго — Егорова, то было бы очень хорошо. И что же?

Своими вздохами, пытаніемъ, своими темными очками на блѣдномъ, маленькомъ лицѣ, — знаете, маленькомъ ли-

цѣ, какъ у хорька, — онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллы по поведенію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ концовъ исключали и Петрова, и Егорова....

Мы, учителя, боялись его. И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, однако же этотъ человѣчекъ, ходившій всегда въ ка-лошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ!

Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скромное и играть въ карты. Подъ влияніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣдніе пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего.

Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боялись помогать бѣднымъ, учить грамотѣ....

Въ чемъ же заключалась сила Бѣликова?

Откуда онъ, такой ничтожный, такой жалкій, могъ потерпѣть могущество и право такъ деспотически вліять на общество?

А. Чеховъ объясняетъ, что сила Бѣликова заключалась въ доносахъ. Его боялись и страшились потому, что въ любой моментъ можно было ожидать отъ него, что онъ войдетъ съ доносомъ къ начальству: такъ и такъ, молъ, живутъ обыватели на вольной волѣ своей и знать не хотятъ циркуларовъ.

Жалокъ и гнусенъ, конечно, Бѣликовъ, но не гнуснѣе ли еще то общество, которое можетъ запугать такая чадищая гнилушка?

Нѣтъ ли силъ въ немъ бороться съ гадостями, ни мужества гражданскаго, ни способности отстаивать свои законныя права. Трусость, подлая трусость, она одна только и сковала обывательскую душу.

Какой нибудь сумасшедшій, помѣшавшійся на циркулярахъ, способенъ въ корнѣ убить все живое, похоронить послѣдніе проблески жизни человѣческой.

— А что говорить по этому поводу ятъ уларъ? Довольно! это!

И обидѣтель, озираясь пугливо по сторонамъ, бросаетъ шашку, переставить читать, ѣсть скоромное, и со стра-

хотят ждуть, какъ бы не вышло чего...

Изсякн живой источникъ эвергичной общественной мысли, сломъ вещей обреченъ обыватель на одиночество, на бездѣтельность, и только страхъ одинъ царить надъ общественнымъ сознаниемъ.

Въ этомъ и скрыта вся сила, все могущество такихъ ничтожныхъ, обратительныхъ, съ выдуманной душой личинокъ, какъ Бѣликовъ. При такихъ условіяхъ, въ другой обстановкѣ, Бѣликовъ никогда не въ силахъ былъ бы играть общественную роль и заражать воздухъ гнилымъ и сираднымъ дыханіемъ своей гнилой души. Въдѣ, сколько Егоровыхъ и Петровыхъ было искалѣчено за пятнадцать лѣтъ его учительской жизни, сколько вращившей неправды было посяно нѣтъ, сколько лжи, жестокости и тѣмъ внесено въ общественную жизнь!

И что же? Поднялся ли противъ него хоть одинъ протестующій голосъ?

Осѣлался ли кто нибудь бросить въ лицо этому сирадному нравственному уроду всю мерзость и гнусность его?

Никто...

Вокругъ него не нашлось такого сильчака.

Какъ бы не вышло чего... Господь съ нимъ.—порѣшилъ обыватель, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, и рабски ушелъ въ свою скорлупу, безъ боя уступивъ позицію Бѣликову и предоставивъ ему широкое право всюду главенствовать надъ собой, вторгаться въ душу и командовать ею...

Но возвратимся къ нашему герою. Этотъ нелюдишъ, обыватель въ футлярѣ, въ нализенькой писаниной душой, влюбляется въ дѣвушку, въ сестру одного изъ своихъ товарищей-учителей. Положеніе получалось до чрезвычайности комичное: жалкій напѣвъ, сморщенный, гнилой, и молодая, здоровая дѣвушка, полная жизни, огня...

Она, конечно, не любитъ его, и если готова выйти замужъ, то только потому, что надо же, въ концѣ концовъ, когда нибудь притти къ этому. Бѣликовъ увлеченъ ея веселымъ пѣніемъ, ея смѣхомъ, ея здоровьемъ. Онъ вылезъ изъ футляра на свѣтъ Божій. Еще моментъ, и онъ связалъ бы гадкую душу свою съ душой дѣвушки. Но тутъ произошло нѣчто такое, и смѣшное, и трагичное, вышло, что все разстроилось.

Было первое изъ, учителя собрались на „песню“. Выползъ въ кадомыхъ и Бѣликовъ. И вдругъ онъ увидѣлъ свою невесту выскать съ братомъ, мчавшимся на велосипедахъ.

Бѣликовъ изъ зеленого сталъ бѣлымъ и точно отбѣлѣлъ.

—Позвольте, что же это такое? спросилъ онъ.—Или, быть можетъ, меня обманываютъ зрѣніе? Развѣ преподавателямъ гимназій и жеманцамъ прилично ѣздить на велосипедахъ?

И онъ былъ такъ пораженъ, что вернулся сейчасъ же домой. Цѣлый день ходилъ, какъ потерянный и никакъ не могъ сообразить: циркуляра нѣтъ, а на велосипедахъ ѣздить.

Наконецъ, порѣшилъ пойти къ брату невесты и объясниться съ нимъ. Главнѣе всего, однако, онъ ничего не могъ придумать.

Братъ невесты былъ человѣкъ молодой, свѣжій, не испорченный рабской атмосферой; онъ непаздѣлъ Бѣликова всею душой и не разъ говорилъ: не понимаю, господа, какъ это перенариваете вы этого фискала, эту мерзкую рожу. Эхъ господа, какъ вы можете тутъ жить! Атмосфера у васъ удушающая, поганая. Развѣ вы педагога, учителя? Вы чинодралы; у васъ не храмъ науки, а управы благочинія, и послѣдней волестью, какъ въ полицейской будкѣ. И вотъ къ нему то и направились за „объясненіемъ“ Бѣликовъ.

—Вы катились на велосипедахъ, а это циркулярное не разрѣшено; стало быть нельзя. Оникъ же, ваша сестра жеманца, и на велосипедахъ...

Слушать Коваленко (такъ звали брата невесты) и послать его къ чорту. Бѣликовъ жестоко обидѣлся и пригрозилъ, что онъ сочтетъ долгомъ своимъ донести о разговорѣ этомъ до свѣдѣній начальства, въ отвѣтъ на что и былъ, конечно, спущенъ съ лѣстницы. Печальное обстоятельство это такъ повлияло на несчастнаго Бѣликова, что онъ, прохворавъ съ нѣсколькихъ, скончался.

„Хорошилъ его имъ всѣ, то есть обѣ гимназій и семинаріи. Теперь, когда онъ лежалъ въ гробу, выраженіе у него было протное, пріятное, даже веселое, точно онъ былъ радъ, что, наконецъ, его положили въ футляръ, изъ котораго онъ уже никогда не выйдетъ“...

Вотъ учителя вздохнула свободно.

...„Признаюсь,—продолжалъ ра-

скачать,—хорошилъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, это большое удовольствие...

Ахъ, свобода, свобода!

Даже память, даже слабая надежда на ея возможность даетъ чудныя...

Вернулись мы съ кладбища въ домъ расположеніи. Но прошло и больше недѣли, и жизнь потекла и прежнему: такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь не и прощенная циркулярно, но и не разрѣшенная вполнѣ; не стало аучи. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили, и сколько еще такихъ члвковъ въ футлярѣ осталось, сколько еще будетъ!“...

Да, читатель, горькую правду брсилъ А. Чеховъ всѣмъ намъ, кутурнившимъ людямъ, въ лицо... Сознана, что всѣ мы ушли въ футляры, и мы, волею страха передъ жеман, ушли отъ нея, забыли правду ея...

Что же заставило насъ такъ много обчлнчл въ футляры? Что прддло господство Бѣликовыхъ въ нашей жизни?

Гдѣ похоронили они силу напѣлать се?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: въ трусости нашей, въ боязни правды.

Нѣтъ въ насъ силъ жить, нѣтъ въ насъ сознанія, что имъ нѣтъ право на эту жизнь.

Жалкіе, трусливые рабы, мы сплнмиса всего, трепещемъ за свое и кому не нужно существованіи и готовы пасть ницъ передъ любымъ идиотомъ и негодяемъ, чтобы только не случилось чего.

Мы боимся всего, боимся ниш. боимся мыслить, боимся правды, боимся собственныхъ тѣней... Имъ опружили себя атмосферой страха и трепещемъ въ ней, не способни ни на что сильное, ни на что слабое.

Красны жизни поблели; нѣтъ больше ни сильныхъ желаній, ни арихъ страстей, нѣтъ мыслей, нѣтъ возможности въ борбѣ; нѣтъ способности груда отстаивать правду...

Отъ всего мы укрывались въ футляры; и мысль, и совѣсть свою загламы въ нихъ...

Страхъ, одинъ только страхъ въ всюду...

Неловкая, охъ! неловкая низкая, читатель... въ футлярѣ....

Г. Славов.